
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.07

УДК 322:27-788(47+57)“17”

ЗАКРЫТИЕ МАЛОБРАТСТВЕННЫХ МОНАСТЫРЕЙ В 20-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА: ЗАМЫСЕЛ И РЕАЛИИ РЕФОРМЫ

М.Ю. Нечаева

Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3278-7269>

Статья посвящена практически не изученной теме – истории закрытия малобратственных монастырей в России в 20-е годы XVIII века. На основе значительного круга законодательных источников и материалов церковного делопроизводства анализируются замысел реформы в контексте политики синодального периода относительно монастырей, ее нормативное регулирование, реализация (на общероссийском уровне и региональном – на Среднем Урале) и отмена.

Показано, что цели реформы достигнуты не были: слияние монастырей не дало ни укрепления монашеских локальных социумов, ни материального расцвета монастырей, ни увеличения церковных и государственных сборов, ни развития монастырской благотворительности. Тактика проведения реформы была разработана слабо: не продумана предварительная подготовка условий проживания дополнительного числа монашествующих, их материальное обеспечение.

Одной из причин неудачи был недостаток информации о монастырях, на основании которой и принималось решение о слиянии обителей. Имели место явные злоупотребления настоятелей крупных монастырей.

Замысел реформы оказался нереалистичным и принес обителям только организационные хлопоты и материальные затраты. Реформа принесла монашеским локальным сообществам и проблемы психологического характера: если раньше имела место практика свободного выбора человеком монастыря, в котором он хотел принять постриг и провести остаток жизни, и согласования этого выбора с локальным монастырским сообществом, то теперь в свободу выбора жизненной стратегии вмешивалась властная рука государства, заявлявшего свое право решать, где и на каких условиях будут существовать монастыри и их насельники.

Ключевые слова: монастыри, православные монастыри, синодальный период, церковная политика, малобратственные монастыри, Русская православная церковь, секуляризация.

CLOSURE OF MONASTERIES WITH SMALL NUMBER OF MONKS IN 1720S: THE IDEA AND THE REALITY OF THE REFORM

Marina Yu. Nechaeva

Institute of History and Archeology, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3278-7269>

The article is devoted to a little studied topic - the history of the closure of monasteries in Russia in 1720s. The idea of reform, its normative regulation, implementation (both at the national and regional - the Middle Urals - levels) and abolition is analyzed on a significant range of legislative sources and church records, in the context of the Synodal period in refer to the monasteries.

The reform did not achieve its goals: the merging of monasteries neither strengthened the monastic local societies, nor enhanced the material flourishing of the monasteries; it neither produced the increase in church and state fees, nor provided the development of monastic philanthropy. The tactics for implementing the reform was poorly developed: the preliminary preparation of the conditions for the residence of an additional number of monastics and their material support was not considered.

One of the reasons for the failure was the lack of information about the monasteries, on the basis of which the decision was made to merge the monasteries. There were obvious corrupt practices of the abbots in the large monasteries.

The idea of reform turned out to be unrealistic and brought to the monasteries only organizational troubles and material costs. Reform caused psychological problems to the local monastic communities as well. If previously a person could enjoy a free choice in what a monastery he wanted to be tonsured and spend the rest of his life and his choice was coordinated with a local monastic community, now the state declared its right to decide where and on what conditions monasteries and their inhabitants would exist.

Keywords: monasteries, Orthodox monasteries, Synodal period, church policy, monasteries with small number of monks, Russian Orthodox Church, secularization.

История монастырей синодального периода – достаточно популярная тема в современной российской историографии, однако разные временные промежутки и аспекты изучены неравномерно. Чаще всего исследователи обращаются к региональной истории монастырей второй половины XIX – начала XX века, что обусловлено большей сохранностью источниковой базы. Однако политика относительно монастырей была в основе своей едина для всего синодального периода и сформировалась еще в петровский период.

Замысел реформы

Замысел реформы в наиболее развернутом виде был сформулирован Петром I и оформлен ссылками на церковную историю Феофаном Прокоповичем [1, с. 70, 119, 139–140] в Прибавлении к Духовному регламенту «о правилах причта церковного и чина монашеского» мая 1722 года [2, № 4022] и в именном указе Синоду от 31 января 1724 года [3, № 4450]. Высказываемая бесспорное почтение к монахам «в начале Христианства», авторы указов полагали, что впоследствии монашество «извратилось», поэтому целью реформы было его «исправление».

Возможность возродить дух раннехристианского отшельничества в российских реалиях ими была отвергнута по климатическим условиям. История русского православного монашества, особенно в условиях Русского Севера, опровергала этот тезис, однако Петр I, будто не помня о них, отстаивал это как общеизвестный факт. Констатируя, что по «студености климата» монашество надо «содержать», законодатель находил две «нужды» в его сохранении и поддержке: для восполнения высшей церковной иерархии («архиерейства») и «ради удовольствования прямою совестью оное желающих».

Идеал современного монашества в указе 1724 года представлялся как благотворительное подвижничество: при мужских монастырях предполагалось устроить госпитали и распределять в них «солдат отставных, которые трудиться не могут», а также «прямых нищих». Монахи должны были определяться «для служения оным» лишь в необходимом для этого количестве. Женские монастыри также должны были заниматься призреванием нищих и воспитанием сирот обоего пола: мальчиков до 7 лет, после чего отправлять их «в школы определенные», а девочек учить грамоте и рукоделиям без возрастных ограничений.

Монахов, превышающих количество потребных для услужения отставным и нищим, предполагалось временно определять для сельскохозяйственных работ на монастырских землях, «дабы сами хлеб себе промышляли», используя их как резерв для пополнения числа служащих монахов по мере их естественной убыли. Постригать вновь в число трудящихся на земле монахов было запрещено, а в число служащих монахов постриг мог быть открыт только после полного исчерпания ресурса в виде пашенных монахов. Монахини также делились на служащих и добывающих пропитание трудами рук своих – только не на пашне, а рукоделиями [3, № 4450].

Если оценивать концепцию реформирования монашества как таковую, то следует согласиться с мнением ряда историков о том, что она стала производной от общей государственной политики Петра I, стремившегося мобилизовать все силы российского общества на служение общественному благу в том смысле, как понимал его он [4, с. 5; 5, с. 2, 84; 6, с. 260]. Для церковной историографии характерна оценка отношения Петра I к монашеству как «утилитарного» [7, с. 16–17].

Петровские указы, имея целью коренное реформирование монастырей, предполагали проведение реформ сугубо административными мерами, даже не пытаясь опереться на подвижничество самих монахов и очевидно не веря, что без строгого контроля монастыри исполнят предписания. В полной мере урегулировать существование монастырей в том количестве и качестве, которые императорская власть считала необходимым, и должны были штаты монастырей, разработка которых велась с начала XVIII века вплоть до 1764 года. Хотя еще при Петре I часть монастырей была положена в штат, многие регионы России не были охвачены этим определением [8, с. 175]. Однако реформа коснулась и их: они тоже подлежали регламентации образа жизни, норм пострига, а также количества, размеров и мест размещения самих обитателей.

Одной из первых реформ, проводимых по всей стране, стала приписка малобратственных монастырей к более крупным, активно проводившаяся в 1723–1727 годах. Она редко привлекает внимание историков [9].

Вопрос о малобратственных обителях в идеологической концепции реформы монастырей

Многогранная аргументация этой меры была дана еще в Прибавлении к Духовному регламенту мая 1722 года. Прежде всего приводились доводы душеспасительные: «Скитков пустынных монахом строити не попускати. Ибо сие мнози делают свободного ради жития, чтоб от всякой власти и надсмотрения удален жити возмогл, по своей воли, и дабы на новоустраиваемый скит собирал деньги и теми корыстовался, да и лишает себе таковой великия пользы душевныя: не имеет у кого спросить совета духовного, решения сомнительных помыслов и падежей совести, не видит образа подвигов монашеских. Что же, когда постигнет его в таком уединении час смертный? Кто послужит ему в болезни? Кто утешит, наставит и утвердит его против страха отчаятельного?» [2, № 4022. О монастырях, п. 44].

Преимущества сведения монахов в крупные монастыри виделись авторам Прибавления и «ради лучшего благоговения». Авторы документа считали, что оптимальное количество насельников – не менее 30, полагая, что такая численность позволит общине пропитаться, и то «по самой нужде», «понеже малым братством повседневную Божественную службу и общежительство, яко же подобает, отправляти невозможно». Здесь же указывалось, что предметом забот законодателя было и то, чтобы храмы не пребывали «без службы, яко пустые». Поскольку количество монастырских храмов должно было при этом сократиться, предполагалась и еще одна полезность для монашеской жизни – возможность «затворить» ее от излишних контактов с мирянами. Прибавление предписывало оставить для службы в монастырских храмах только иеромонахов и иеродиаконов, но не белое духовенство. Остальные храмы предполагалось превратить в приходские и наделить их из монастырских земель участками для обеспечения причта.

Авторы Прибавления считали, что при объединении малобратственных монастырей с более крупными хозяйство принесет «во всех потребах вящее во всем изобилие, нежели прежде в малом суждати и тшатися, как бы зло оное искоренити в монастыре». В сочетании же с общежительными порядками (а они также предписывались) это приведет к немалой экономии, поскольку никто не сможет самовольно разбазаривать монастырское имущество. «И тако греха и излишния утраты избегнем, и вместо десяти братий питатися могут тридцать» [2, № 4022. О монастырях, п. 45; О монахах, п. 26].

Забота об изобилии имела и благотворительный смысл: хозяйство, в котором «обретается многое за потребами довольство», могло бы обеспечить странноприимницы или лазареты, которые полагалось устроить при монастырях, где бы можно было «престарелых и здравия весьма

лишенных, кормитися собою немогущих и промышленников о себе неимущих... в славу Божию потребами покоить». Прибавление к Духовному регламенту требовало излишних построек в монастырях не затевать, а имеющиеся средства употреблять на странноприимницы, поскольку «такое дело пред Богом многоприятнее будет» [2, № 4022. О монастырях, п. 46–47].

Требования Прибавления относительно сведения малобратственных монастырей и пустыней в более крупные следовали решениям церковного собора 1551 года [10, с. 362], хотя содержали более развернутую аргументацию. Но, в отличие от решений 1551 года, этот указ стал основой реальной политики, жестко проводимой относительно всех православных монастырей в стране.

Ход реформы

По мере проведения реформы Синод уточнял ранее не прописанные моменты соединения монастырей. Так, указом от 21 августа 1723 года было установлено, что по соображениям целесообразности могут не только малобратственные монастыри приписываться к более крупным, но и наоборот. Это решение было принято при рассмотрении приписки Серпуховского Владычного монастыря к Московскому Спасскому училищному. Хотя во Владычном монастыре было 25 монахов, имелись вотчины и крестьянские дворы, а в Спасском «монахов малое число», а вотчин и крестьян не было, зато именно в нем «обретаются Славенолатинские школы и от учителей происходит Церкви святой и государству польза не малая». Приписывая Владычный монастырь к Спасскому, указ определял, что Синод «имеет власть духовную и большие монастыри присовокуплять к меньшим, где бы лучшее благообразие и общее житие со изобилием искуснейшие в братстве содержали, и не токмо малобратственные пустыни, где менее тридесяти числом обретаются, во едино сводити, но и большие, по рассмотрению, совокупляти – власть, по Духовному регламенту, Святейший Синод имеет» [11, № 1091].

Вопрос, какие именно монастыри надо было приписывать к более крупным, оставался на согласование епархиальных архиереев и Синода. Относительно ставропигиальных монастырей, которые в документах этого периода часто называются синодальными, предложения должны были вырабатываться «вкупе общим собранием» Московской Синодальной канцелярии и Духовной дикастерии в присутствии членов Камор-конторы, после чего согласовываться с Синодом (указ Синода от 27 сентября 1725 г.) [12, № 1653].

Определенную специфику имела регуляция вопросов существования безвотчинных монастырей, то есть не имеющих владений, в которых трудились бы монастырские крестьяне. Обитатели, существовавшие за счет труда самих монашествующих на земле, принадлежавшей монастырю, к числу безвотчинных не относили, они считались содержащими себя своими трудами и рукоделиями.

Поскольку многие безвотчинные монастыри были и малобратственными, после издания Прибавления к Духовному регламенту 1722 года они также подверглись закрытию и переводу насельников в более крупные обители. Однако по мере осознания плачевности результатов реформы во главу угла стал ставиться тезис о сохранении тех монастырей, которые живут трудами рук своих, как вполне адекватных первоначальному смыслу христианского монашества. Тем более что настоятели крупных обителей указывали на приписку к ним безвотчинных как на причину упадка монастырских доходов.

19 сентября 1725 года Синод сделал разъяснение о том, что достаточные безвотчинные монастыри следует оставлять самостоятельными, а если монастырь надо приписать или упразднить, то его надо объединять с таким же безвотчинным, и тогда «как вотчинные монастыри, так и означенные пустыни содержаться будут по силе должности своей в пропитании своем безобидно» [12, № 1652].

Во исполнение положений Духовного регламента и именного указа от 5 февраля 1724 года Синодом были разосланы в епархии указы, требующие «надлежащее действо исполнять в какой возможно скорости». К этим указам прилагались примерные формы, по которым архиереи должны были отчитаться о соединении малобратственных монастырей. В эти формы Синодом для каждой епархии были включены, на основании имеющейся информации, 3 монастыря [12, № 1509, 1586, 1587]. Некоторые архиереи восприняли формы буквально, полагая, что именно эти обители подлежат приписке, что породило дополнительный тур согласования списка монастырей с Синодом. Например, такая ситуация в 1725 году возникла в Устюжской епархии [12, № 1509, 1587]. В указах архиереям Синод неоднократно подчеркивал их ответственность за разумный выбор подлежащих закрытию монастырей: «сводить по близости расстояния и по удобности мест, которые куды пристойно, по рассмотрению, чтоб лучшие по общежителству обители во упражнении, а неудобные в назидании не были» [12, № 1582, 1588, 1734]. Попытки настоятелей и братии некоторых монастырей оспорить свой перевод в более крупные обители вопреки мнению епархиальных властей Синодом пресекались [12, № 1695].

Практика реализации реформы оказалась далека от замысла Петра I.

Пока в одних монастырях еще только начинали исполнять указы о соединении малобратственных монастырей, в других, где это началось раньше, стали явственно ощущать негативные результаты. При аргументированном (в духе норм Духовного регламента) обращении в Синод удавалось добиваться отмены указов о приписке малобратственных монастырей. К числу таких доводов относились следующие:

1. Достаточный уровень материального обеспечения братии. Все прошения о восстановлении монастырей в прежнем статусе начинались с развернутой характеристики того, что монахи до перевода в более крупный монастырь «пропитание имели от своих трудов без нужды» и не требуют из государственной казны никаких средств [12, № 1482, 1719, 1752, 1796, 1810, 1817, 1840, 1862, 1876, 1892, 1916]. При этом приводилось описание вотчинных владений, количества монастырских крестьян, денежных доходов монастыря. В канцелярии Синода эту информацию сверяли с имеющимися ведомостями.

Существенным преимуществом при рассмотрении вопроса о восстановлении монастыря могла стать его значимость для удовлетворения нужд окрестного населения. Например, в пользу самостоятельности Преображенского монастыря, существовавшего «за морем Байкалом», приписанного к Иркутскому Вознесенскому монастырю, указывалось, что он «построен на самом взморье, и в летнее и в зимнее время имеет пристань, и в проезд всяких чинов людям в Китайское государство и в Мунгалскую землю как в препитании, так и в прочих нуждах придает способность... и ежели оной монастырь упразднить и братию и служителей перевести, то все оное изгибнет напрасно, и место запустеет, и проезжим людям приставать будет негде, потому что де жилищ никаких тамо, кроме того монастыря, не имеется» [12, № 1631]. Аналогичную аргументацию приводили и в пользу восстановления Юхновского Казанского монастыря Калужской епархии: «оной Юхнов монастырь, по пропорции земли и крестьян, и по положению места и по довольству во всяких потребах от вкладчиков, никогда нужд себе не имел... и от проезжих купецких людей непрестанное имелось подаяние для того, что де при том монастыре имелась, и ныне имеется, средственная пристань, со многими кладовыми анбары, где приезжающие всяких чинов люди покладывали всякие товары, и от того их монастыря в той поклаже верное было охранение» [12, № 1832].

В качестве обеспечения материального достатка обители могли выступать и обязательства вкладчиков содержать насельников «всякими потребностями, кроме излишества» [12, № 1664].

Некоторые прошения о восстановлении самостоятельности малобратственных монастырей содержат яркие описания того разорения хозяйства, к которому привела реформа. Например, вкладчики Серпуховского Владычного монастыря Московской епархии утверждали, что до приписки братия имела «нескудное пропитание» от своих вотчин, а к началу 1727 года в нем осталось уже только 10 монахов, «а протчие от гладу розбрелись врознь, ибо пища против прежнего даецца с великим умалением», зато из Заиконоспасского монастыря, к которому был приписан Владычный, присылаются казначеи, наместники и прикащики, которые не только собирают с вотчин больше прежнего, но еще и жалование получают, зато нет средств на починку строений, и монастырских крестьян «непрестанно и безвременно» требуют на работы в Москву по 30–40 человек, которые «живут в Москве без съезду долгое время, у которых в дорогах за распутиями померло лошадей не мало; а крестьяне, будучи в Москве, помирают с голоду». Хотя до приписки во Владычном монастыре было только 20 монахов, просители полагали, что и до 50 человек могут безбедно существовать без государственного жалования [12, № 1894].

2. *Численность братии, соотносимая с нормами Духовного регламента.* При закрытии малобратственных монастырей в расчет прежде всего принималось количество монашествующих, поэтому и в обоснование восстановления их самостоятельности приводилась возможность собрать «немалое число» насельников [12, № 1482]. Поскольку в ходе реформы численность насельников некоторых монастырей стала значительно превосходить норму в 30 человек, как компромиссный вариант восстановления некоторых прежде малобратственных обителей предлагалось объединение двух из них [12, № 1832].

Достаточным доводом к восстановлению самостоятельности монастыря было то, что его доходами могут «пропитаться» 30 монашествующих без государственного жалования [12, 1840, 1862, 1876, 1892, 1894]. В некоторых случаях и чуть меньшая численность (25–28 человек) не была препятствием к восстановлению обители [12, № 1631, 1838].

3. *Наличие в монастыре «нескудных» церковных и келейных строений, а также регулярно совершающееся богослужение в храмах.* Хотя этот довод приводится не во всех прошениях, он был важен в общей совокупности резонов к восстановлению. Особо ценилось наличие каменных построек [12, № 1648, 1719, 1796, 1810, 1817, 1840, 1862, 1892, 1894]. В некоторых прошениях, например, от вкладчиков Юхнова монастыря существенный упор делался и на удовлетворении духовных нужд местного населения: «божественное священнослужение отправлялось непрестанно, потому что де в тот монастырь от многих вкладчиков многая полза в строении святых церквей, и во украшении икон, и церковных одежд и книг, и от проезжих купецких людей непрестанное имелось подаяние... А ныне де, как оной монастырь упразднен и монахи в вышепомянутой Георгиевской монастырь выведены, то и церкви Божии без повсядневных служб опустели, и не токмо они, просители, но и другие многие вкладчики, и ближние обыватели и прочие купецкие люди, не видя в том монастыре, яко в душевном своем пристанище, желаемого о себе и о погребенных в том монастыре их средниках молитвословия и данного во святых церквах украшения, жалостию о том сердечно сокрушаются и душевно соболезнуют» [12, № 1832].

4. *Древность монастыря и наличие чтимых святынь.* Эти доводы, конечно, могли высказать в свою пользу лишь некоторые обители, но и их старались приводить [12, № 1648, 1840, 1862].

Просителями восстановления монастырей выступали местные жители. Это могли быть горожане, «разных чинов» люди, проживавшие в сельской местности, вкладчики монастыря [12, № 1591, 1752, 1876, 1917]. Чаще всего прошения подавались вкладчиками, которые считали себя вправе просить на том основании, что способствовали материальному обеспечению

обители, рассчитывали на удовлетворение своих духовных нужд ею, кроме того, выступали гарантами ее необременительного для государственной казны существования в будущем [12, № 1664, 1796, 1810, 1817, 1832, 1838, 1840, 1862, 1894, 1916, 1918, 1919, 1927, 1952].

Отмена реформы

Санционируя восстановление монастырей по отдельным прошениям, Синод оценивал и общий ход реформы. Уже 24 января 1726 года был издан указ, требующий больше не приписывать к большим монастырям те обители, которые могут обеспечить содержание 30 монахов. Но обратной силы указ не имел [12, № 1716].

В апреле Синод снова вернулся к рассмотрению хода реформы. Поскольку в это время продолжалась подготовка штатов всех монастырей и архиерейских домов, в связи с чем собирались ведомости с мест о количестве доходов и наличной братии, в Сенате и Синоде было замечено, что в денежных и хлебных доходах крупных монастырей, которые и предполагалось положить в штат, имеются значительные «недостатки», наличие которых монастыри аргументировали притоком монашествующих из закрытых обителей, которые были не только малобратственные, но обычно и маловотчинные или безвотчинные. Это не только заставляло усомниться, является ли оптимальным существование именно больших монастырей, но и обнуляло многолетние усилия по сбору сведений для составления генеральных штатов. 25 апреля Синод предложил Сенату рассмотреть на совместной «конференции» вопрос о положении в оклад в больших монастырях лишь той братии, которая жила там до переводов насельников из малых обителей, и то «без излишества», а новопереведенных отправить на прежние места, вернув им все имущество. Совсем мелкие монастыри предлагалось объединять между собой по усмотрению епархиальных архиереев (синодальные монастыри – по усмотрению Духовной дикастерии). Синод выражал надежду, что это позволит монастырям иметь «свободное» пропитание всей братии, а в крупных монастырях иметь еще и некоторый «остаток» доходов [12, № 1767]. 2 мая на конференции Сената и Синода было принято это предложение [12, № 1772] со ссылкой на именной указ от 31 января 1724 г., полагавший оставлять в больших монастырях тот минимум братии, который потребен для благотворительной деятельности, остальных же переводить в пашенные, питающиеся своими трудами.

20 мая 1726 года относительно всех синодальных монастырей был издан указ Синода, запрещающий впредь приписывать к другим обителям безвотчинные монастыри, если «имеющаяся в них братия пропитание себе имеют неоскудное без определенного им жалованья». За нарушение указа грозили «немалым штрафом». Свершившуюся ранее приписку безвотчинных монастырей указ не отменял [12, № 1786]. В это же время Синод признал невозможность решения проблемы распределения монахинь из безвотчинных и маловотчинных монастырей даже в пределах синодальной области. Выяснилось, что в Москве и в других российских городах в синодальных девичьих монастырях, не имеющих достаточных вотчинных владений, проживает 3223 монахини, и если их перевести в монастыри, имеющие хотя бы скудные, но свои доходы, «то весьма все глад претерпевать будут немалой, и для жителства де кельями ни в котором монастыре удоволствоват будет их невозможно». Поэтому было предписано впредь «до указу» оставить эти безвотчинные и маловотчинные монастыри самостоятельными и на прежних источниках содержания [12, № 1787].

Окончательная отмена приписки малобратственных монастырей была санкционирована в феврале 1727 года. 3 февраля императрица, будучи в Верховном тайном совете, подписала указ, который 6 февраля был дополнен указом Синода. Согласно указам, монастыри, обеспе-

чивавшие себя сами, без государственного жалования, сохранялись, а насельники, выведенные из них в крупные обители, возвращались обратно. Исполнение указов должны были контролировать епархиальные архиереи (для синодальных монастырей – Духовная дикастерия) [3, № 5005; 12, № 1907]. После этих указов стали восстанавливать даже самые малобратственные монастыри [12, № 1916, 1917].

Закрытие малобратственных монастырей на Среднем Урале: региональный пример

В регионе к началу синодального периода было 18 монастырей. Из них к числу многобратственных относились мужские Пыскорский Преображенский (88 монахов), Далматовский Успенский (42), Чердынский Иоанно-Богословский (30), двойной (имевший и мужскую, и женскую общины) Соликамский Вознесенский (46), женские Далматовский Введенский (75), Соликамский Преображенский (52), Пыскорский Богородицкий (37). Все три женских монастыря своих вотчин не имели, поэтому дважды не подлежали закрытию: и как многосестринские, и как безвотчинные. Все эти монастыри закрыты в ходе реформы не были, большинство из них стали местом перевода монашествующих из других обителей (кроме Далматовского Успенского и Соликамского Преображенского).

Не подлежали закрытию по нормам законодательства и безвотчинные монастыри, относимые к числу живущих за счет трудов своих. Такими на Среднем Урале были остальные три женских монастыря – Чердынский Успенский, Верхотурский Покровский и Кунгурский Тихвинский. Чердынский и Верхотурский имели близкую к пограничной норме численность монахинь – соответственно 26 и 24, и не подверглись закрытию. Кунгурский же монастырь был упразднен, а монахини переведены в Чердынский Успенский. Вероятно, таково было решение вятского архиерея: Чердынский монастырь становился монастырем многосестринским, а небольшое кунгурское сестричество (7 человек) переезжало в сходный по условиям существования монастырь [13, л. 34 об.; 14, л. 42; 15, л. 110; 16, с. 84-85] (оба монастыря были городскими, существовали за счет вкладов и руги от городских сообществ).

Остальные монастыри (малобратственные, но имевшие вотчины) должны были либо соединить с более крупными, либо объединить между собой для достижения нормативной численности монашествующих. По первому варианту (присоединение к более крупному) были закрыты сылвенские пустыни в вотчинах Пыскорского и Соликамского монастырей, не имевшие самостоятельного характера, и домовая Тохтаревская пустынь Вятского архиерейского дома. Остальные малобратственные монастыри были перегруппированы между собой. Так, были соединены пустыни в строгановских владениях: базовой оставлена Шерьинская Богородицкая пустынь, а в нее переведена братия из Чусовской Успенской (8 человек), Верх-Язьвинской Успенской (10), Оханской Богородицкой (15). Характерно, что все четыре пустыни были двойные (только в Чусовской временно монахинь не было), и произошло изменение статуса монастырей – монахини были выведены в Пыскорский женский монастырь (из Шерьинской пустыни – 5 человек, из Верх-Язьвинской – 3, из Оханской – 2), а Шерьинская пустынь стала мужским монастырем. При этом численность братии пустыни выросла с 14 человек до 47 [16, с. 72–79; 17, л. 94–102]. Решение оставить именно Шерьинскую пустынь было вызвано, видимо, тем, что там имелось игуменское правление, тогда как Оханской и Чусовской пустынями управляли строители, а Верх-Язьвинской – казначей. Возможно, выбор Шерьинской пустыни состоялся и по каким-то субъективным предпочтениям вятских епархиальных властей.

Объединены были и 3 малобратственные мужские обители в более северной части региона: базовым остался Плесинский Троицкий монастырь (27 монахов), а к нему приписан

Кайгородский Успенский монастырь с присоединенной к нему в 1723 году Сылвенской Сретенской пустыню того же Кайгородского уезда (9 монахов). Выбор базового монастыря был обусловлен, по-видимому, численностью монахов и игуменским правлением, поскольку в Кайгородском монастыре было управление строительское, хотя постройки были достаточно обширные (вместе с пустыней – деревянные четыре церкви, две колокольни, ограды, кельи и прочее монастырское строение) [13, л. 9–14; 16, с. 66–69].

При определении судеб еще двух малобратственных монастырей – Верхотурского Николаевского мужского и Невьянского Богоявленского двойного – учитывалась, вероятно, совокупность как объективных, так и субъективных факторов. Оба они имели примерно равную численность насельников (в Невьянском – 17, в Верхотурском, вероятно, 10–15), среднего размера вотчины, комплексы необходимых деревянных построек. Верхотурский Николаевский монастырь решено было сохранить, а Невьянский закрыть. Вероятно, значимую роль имело присутствие в Николаевском монастыре чтимой святыни – мощей Симеона Верхотурского, представлявшей реликвию для всего города и его окрестностей.

Невьянский монастырь указом тобольского архиерея в 1723 году был приписан к Далматовскому Успенскому, но там отказались принять монахов. Тогда архиерей вынужден был в том же 1723 году приписать невянских монахов к Верхотурскому Николаевскому монастырю [18, л. 2]. Однако реальный переезд состоялся только в 1724 году [18, л. 2-2 об.; 19, л. 1]. Николаевский монастырь был мужским, и судьба невянских монахинь оставалась неясной. Вероятно, после дополнительного тура переписки был урегулирован имущественный аспект: часть невянских вотчин отошла к Верхотурскому монастырю (как минимум подмонастырское село Богоявленское), часть – к Далматовскому [20, л. 30; 21, л. 47], и в Далматовский Введенский монастырь переселились невянские монахини. Впрочем, имущественный аспект привлекал внимание епархиальных и монастырских властей явно больше, чем человеческий: невянские монахини в декабре 1724 года жаловались епархиальным властям, что монахи уже переведены в Верхотурье, имущество описано, а их не перевели и хлебного жалования не определили, посему «ныне оне монахини помирают голодною смертию, и скитаемся меж дворы, якобы овцы неимушция пастыря». В Далматов их перевезли только в марте 1725 года [21, л. 10-13 об.; 22, л. 3-3 об., 23, л. 22 об.].

Реализация реформы в регионе началась не ранее 1723 года. Как описано выше, в Невьянском монастыре, например, все вопросы удалось урегулировать только к марту 1725 года. Вероятно, и в Прикамье этот процесс растянулся до 1725 года: в обителях не держали запаса свободных келий, куда можно было бы переселить чужих монахов, тем более в малобратственных, ставших точками объединения нескольких обителей (Шерьинская пустынь). Поэтому первостепенный интерес головных монастырей к имуществу приписываемых обителей объясним.

Оперативнее всего были переведены монашествующие из сылвенских пустыней, находившихся в вотчинах головных монастырей. В документах 1724–1727 годов указано, что они были «присовокуплены» «в прошлых годех до духовного регламенту», однако списки братии этих пустыней приводились в документах отдельно, после перечня монахов головных монастырей, что, вероятно, свидетельствовало о том, что перевод осуществился недавно. С уверенностью можно сказать, что к декабрю 1724 года перевод монахов состоялся («и по присовокуплению ис той пустыни монахи выведены в тот настоящей монастырь»). Относительно Сылвенской Крестовоздвиженской пустыни в вотчине Соликамского монастыря и Сылвенской Сретенской пустыни в документах 1724 года есть уточнение, что братия переведена в 1723 году [13, л. 119-121; 16, с. 26-27; 17, л. 44 об. – 45 об.; 24, л. 103 об.]

Достаточно определенно можно датировать 1724 годом закрытие Кунгурского Тихвинского женского монастыря: еще в апреле монастырь существовал в Кунгуре, а в декабре мо-

нахини числились (хотя и отдельным списком) в Чердынском Успенском монастыре [13, л. 34 об.-36; 25, л. 155]. К декабрю 1724 года состоялся и перевод монахов из домово́й Тохтаревской пустыни в Чердынский Богословский монастырь [13, л. 125 об.].

Перевод монахов из Чусовской, Верх-Язьвинской и Оханской пустыней в Шерьинскую, вероятно, потребовал более длительного подготовительного периода: напомним, что до реформы в Шерьинской пустыни жили 14 монахов и 5 монахинь, а в ходе преобразования монахини были переселены в Пыскор, а из трех других пустыней переведено в Шерью 33 монаха, для которых, конечно, готовых келий не имелось. Вероятно, именно этим объясняется некоторое расхождение датировок переезда в документах: в ведомостях декабря 1724 года братия всех этих пустыней показана отдельными списками, но как причисленная к Шерьинской пустыни, а в ведомости 1725–1727 годов указано, что три пустыни «вновь по духовному регламенту к тому шерьинскому монастырю присовокуплены... в нынешнем 725 году» [13, л. 3-8 об.; 16, с. 72–76]. Вывод 10 монахинь из этих пустыней в Пыскорский женский монастырь состоялся, вероятно, в эти же сроки.

Хотя указы допускали, что при приписке малобратственных монастырей часть монашествующих будет оставлена для управления былыми владениями, на Среднем Урале все были выведены в головные монастыри [16].

Восстановление малобратственных монастырей в регионе началось только в 1727 году. К сожалению, сохранность источников не всегда позволяет точно датировать этот процесс. Не была восстановлена самостоятельность только двух обителей: Тохтаревской и Сылвенской Рождественской пустыней (в которых проживало соответственно 3 и 12 монахов) Следует напомнить, что Тохтаревская пустынь до реформы имела статус домово́й пустыни Вятского архиерейского дома, а Сылвенская находилась в вотчине Пыскорского Преображенского монастыря, и обе они могли быть упразднены по решению архиерейского дома и Пыскорского монастыря и вне реформы.

Нет свидетельств возвращения в свои прежние пустыни монахинь Шерьинской и Оханской обителей, переведенных в ходе реформы в Пыскорский женский монастырь. Учитывая, что их было мало (соответственно 5 и 2 человека), что Пыскорский монастырь был более благоустроен и все они находились во владениях Строгановых, можно предположить, что монахини предпочли остаться в Пыскоре с согласия монастырского начальства. Однако в ведомостях Пыскорского женского монастыря 1735 года их нет [26, л. 61–112 об.]. Поэтому с равной вероятностью можно предполагать, что в ходе восстановления пустыней они вернулись обратно, а до 1735 года просто не дожили.

К декабрю 1727 года (возможно и раньше) были восстановлены Верх-Язьвинская Успенская пустынь [27] и, вероятно одновременно, Оханская и Чусовская (хотя сведения о них зафиксированы вновь только с 1735 года [28, л. 104–107 об.; 26, л. 49-60]).

Архиерейский указ о восстановлении Невьянского монастыря был издан 28 октября 1728 года. Ходатайствовали об этом невянские монахи и крестьяне, писавшие в прошении, что монастырь «может довольствоваться без оскудения сам собою», имея не менее 100 крестьянских дворов. Фактически монахи вернулись уже в 1729 году [18].

Согласно документам второй половины 1730-х годов были восстановлены Сылвенская Крестовоздвиженская пустынь как приписная к Соликамскому Вознесенскому монастырю [29] и Кунгурский Тихвинский женский монастырь [30, л. 34–40].

Конечным результатом реформы малобратственных монастырей на Среднем Урале стало закрытие двух пустыней (Тохтаревской и Сылвенской Рождественской) и перемеще-

ние из них 15 монахов, а также материальные затраты, связанные с переездом монашествующих из закрываемых обителей и возвращением на свои места, а также с благоустройством их в крупных монастырях.

Выводы

Политика закрытия малобратственных монастырей явным образом провалилась. Ее безуспешность была признана и светскими, и церковными властями, а самими монашествующими она была воспринята как причина мытарств и лишений. Цели этой реформы достигнуты не были: слияние монастырей не дало ни укрепления монашеских локальных социумов, ни материального расцвета монастырей, ни увеличения церковных и государственных сборов с монастырей, ни развития монастырской благотворительности.

Тактика проведения реформы была разработана слабо: не продумана предварительная подготовка условий проживания дополнительного числа монашествующих, их материальное обеспечение.

Одной из причин неудачи был недостаток информации о монастырях, на основании которой и принималось решение о слиянии монастырей. Пороговая численность – 30 монашествующих – не подтвердилась на практике как оптимальная для духовного и материального благосостояния обители.

Иногда имели место и явные злоупотребления настоятелей крупных монастырей, увидевших в реформе возможность расширить земельные владения и доходы своих обителей за счет более мелких, но достаточно обеспеченных [12, № 1665, 1912]. Весьма негуманным отношением настоятелей крупных монастырей к переводимым к ним монахам Синод аргументировал указ от 24 января 1726 года о прекращении приписки малобратственных монастырей: «по той приписке власти монахов переводят, а инде и, не переводя братства, всякую церковную утварь, и хлеб, и скот и прочее обирают в те болшие монастыри, отчего происходит напрасное разорение, потому что оных приписных монастырей, откуда братство переводится, земли остаются впусе, а где братство оставляется, те, для такого от них хлеба и скота обирания, терпят нужду» [12, № 1716]. Отчасти первостепенный интерес к доходам приписываемых обителей можно объяснить опять же непродуманной тактикой проведения реформы: даже крупные монастыри не обладали свободными помещениями и средствами для приема дополнительного количества монашествующих, иногда равного или даже превосходившего в совокупности наличный состав монастыря, возможно, поэтому они стремились по максимуму использовать ресурсы приписываемых монастырей. Монашествующие же приписываемых монастырей чувствовали не только материальное оскудение, но и человеческое унижение, когда их судьбами распоряжались без их ведома, а в крупных монастырях, где они оказались не по своей воле, их воспринимали как нежеланных «бедных родственников», а не собратьев по иноческому выбору. Слияние нескольких монашеских общин, каждая со своей сложившейся формальной и неформальной иерархией, было чревато массой психологических проблем.

Отменив приписку малобратственных монастырей в 1727 году, Синод намеревался все-таки централизованно решить задачу оптимального количества и размещения обителей в ходе подготовки и реализации генеральных штатов всех монастырей [31, № 2767; 32]. При введении штатов в 1764 году неудачный опыт реформы 1720-х годов был учтен, что, впрочем, не избавило от других непродуманных организационных решений.

Список литературы

1. Чистович И. Феофан Прокопович и его время. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. – 752 с.
2. ПСЗ-1 (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830). – Т. VI. – 815 с.
3. ПСЗ-1. – Т. VII. – 922 с.
4. Чудецкий П.И. Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. – Киев: Типография В. Давиденко, 1877. – 67 с.
5. Ивановский В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). – Харьков: Типография губернского правления, 1905. – 175 с.
6. Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917; Жизнь и учение старцев: Приложение к «Истории Русской Церкви». – М.: Православная энциклопедия, 1999. – 606 с.
7. Цыпин Вл., прот. История Русской Православной Церкви (синодальный период). – Н. Новгород, 2007. – 139 с.
8. Горчаков М. Монастырский приказ (1649–1725 г.) Опыт историко-юридического исследования. – СПб.: Типография А. Траншеля, 1868. – 453 с.
9. Кустова Е. В. «Малобратственный» монастырь между двух эпох: из истории Куринского Архангельского монастыря 1676–1764 гг. // Вестник ВятГГУ. – 2014. – № 6. – С. 48–65.
10. Российское законодательство X–XX веков: [Тексты и комментарии]. В 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства [XIV–XVI вв.] / отв. ред. А. Д. Горский. – М.: Юридическая литература, 1985. – 519 с.
11. ПСПиР (Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания). Т. III. 1723 г. – СПб.: Синодальная типография, 1875. – 277 с.
12. ПСПиР. Т. V. 28 января 1725 – 5 мая 1727 г. – СПб.: Синодальная типография, 1881.
13. ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 81. Д. 6.
14. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 170.
15. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 27.
16. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии первой четверти XVIII столетия. – Вятка: Губернская типография, 1912. – 93 с.
17. ГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 27.
18. ГАТ (Государственный архив Тобольска). Ф. 156. Оп. 1. Д. 38.
19. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 7. Д. 41.
20. ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 7.
21. ГАШ (Государственный архив Шадринска). Ф. 224. Оп. 1. Д. 83.
22. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 77.
23. ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 94.
24. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 4.
25. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 7.
26. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 51.
27. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 19.
28. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 41.
29. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 123.
30. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 45.

31. ПСПиР. Т. VIII. 1733–1734 гг. – СПб.: Синодальная типография, 1898. – 393 с.
32. РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 401.

References

1. Chistovich I. Feofan Prokopovich i ego vremia [Theophanes Prokopovich and his time]. Saint Petersburg, Tipografiia imperatorskoi akademii nauk, 1868, 752 p.
2. PSZ-1 (Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii). [Complete collection of laws of the Russian Empire. First meeting]. 1st ed. Saint Petersburg, 1830, vol. VI, 815 p.
3. PSZ-1. Vol. VII, 922 p.
4. Chudetskii P. I. Opyt istoricheskogo issledovaniia o chisle monastyrei russkikh zakrytykh v XVIII i XIX vekakh [The experience of historical research on the number of Russian monasteries, closed in the XVIII and XIX centuries]. Kiev, Tipografiia V. Davidenko, 1877, 67 p.
5. Ivanovskii V. Russkoe zakonodatel'stvo XVIII i XIX vv. v svoikh postanovleniakh otnositel'no monashestvuiushchikh lits i monastyrei. (Opyt istoriko-kanonicheskogo issledovaniia) [Russian legislation of the XVIII and XIX centuries. in their decisions on monastic persons and monasteries. (The experience of historical canonical research)]. Khar'kov, Tipografiia gubernskogo pravleniia, 1905, 175 p.
6. Smolich I.K. Russkoe monashestvo: 988–1917; Zhizn' i uchenie startsev: Prilozhenie k «Istorii Russkoi tserkvi» [Russian monasticism: 988-1917; Life and teaching of the elders: Supplement to the "History of the Russian church"]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia, 1999, 606 p.
7. Tsylin V. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (sinodal'nyi period) [History of the Russian Orthodox Church (Synodal period)]. Nizhnii Novgorod, 2007, 139 p.
8. Gorchakov M. Monastyrskii prikaz (1649-1725 g.). Opyt istorikoiuridicheskogo issledovaniia [Monastic order (1649-1725). Experience of historical and legal research]. Saint Petersburg, Tipografiia A. Transhelia, 1868, 453 p.
9. Kustova E. V. «Malobratstvennyi» monastyr' mezhdru dvukh epoch: iz istorii Kurinskogo Arkhangel'skogo monastyria 1676–1764 gg. [The "small-brother" monastery between two epochs: from the history of the Kura Arkhangel'sk monastery 1676-1764]. *Bulletin of Vyatka State University*, 2014, no. 6, pp. 48–65.
10. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Teksty i kommentarii] [Russian legislation of the X-XX centuries: [Texts and comments]]. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniia i ukrepleniia russkogo tsentralizovannogo gosudarstva [XIV-XVI vv.] Ed. A.D. Gorskiy. Moscow, Iuridicheskaiia literature, 1985, vol. 2, 519 p.
11. PSPiR (Polnoe sobranie postanovlenii i rasporiazhenii po vedomstvu pravoslavnogo veroispovedaniia) [Complete collection of decrees and orders on the department of the Orthodox faith]. Vol. III, 1723. Saint Petersburg, Sinodal'naia tipografiia, 1875, 277 p.
12. PSPiR. T. V. 28 ianvaria 1725 – 5 maia 1727 g. [T. V. January 28, 1725 - May 5, 1727]. Saint Petersburg, Sinodal'naia tipografiia, 1881.
13. GAKO (Gosudarstvennyi arkhiv Kirovskoi oblasti), f. 237, op. 81, d. 6.
14. GAKO, f. 237, op. 81, d. 170.
15. GAKO, f. 237, op. 81, d. 27.
16. Vedomost' o Viatskom arkhieireiskom dome i o monastyriakh Viatskoi eparkhii pervoi chetverti XVIII stoletii. Viatka, Gubernskaia tipografiia, 1912, 93 p.
17. GAKO, f. 237, op. 74, d. 27.
18. GAT (Gosudarstvennyi arkhiv Tobol'ska), f. 156, op. 1, d. 38.
19. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv), f. 796, op. 7, d. 41.
20. GAT, f. 156, op. 1, d. 7.
21. GASH (Gosudarstvennyi arkhiv Shadrinska), f. 224, op. 1, d. 83.
22. GASH, f. 224, op. 1, d. 77.
23. GASH, f. 224, op. 1, d. 94.
24. GAKO, f. 237, op. 81, d. 4.
25. GAKO, f. 237, op. 81, d. 7.
26. GAKO, f. 237, op. 81, d. 51.
27. GAKO, f. 237, op. 81, d. 19.
28. GAKO, f. 237, op. 81, d. 41.
29. GAKO, f. 237, op. 81, d. 123.
30. GAKO, f. 237, op. 81, d. 45.
31. PSPiR. T. VIII. 1733-1734 gg. Saint Petersburg, Sinodal'naia tipografiia, 1898, 393 p.
32. RGIA, f. 796, op. 14, d. 401.

Получено: 21.05.2018

Принято к печати: 31.08.2018